

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА ОДЕРЖИМОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В РАБОТАХ О. ХАКСЛИ И М. СЕРТО

Исследуется проблема интерпретации исторического факта в работах Олдоса Леонарда Хаксли и Мишеля Борже де Серто. Выявляются причины различий авторских подходов к луденскому судебному процессу 1632–1640 гг., инициированному одержимыми монахинями местного монастыря против приходского священника Урбена Грандье, а также причины противоположности в понимании авторами феномена одержимости и его значения в общественной жизни позднесредневековой Западной Европы.

Ключевые слова: Олдос Хаксли; Мишель де Серто; Луден; одержимость; исторический факт; интерпретация.

В статье рассматривается проблема интерпретации исторического факта в работах разных авторов. Цель – определить причины разночтений в оценке исторического события в посвященных ему публикациях. Для реализации поставленной задачи обратимся к конкретному примеру разночтений в трактовках исторического казуса, взяв за основу осмысление луденской одержимости 1632–1640 гг. авторами исследований «Луденские бесы» английского писателя Олдоса Хаксли [1] и «Луденская одержимость» французского историка Мишеля де Серто [2].

Феномену демонической одержимости, проявления которой имели место в период «охоты на ведьм» на территории Западной Европы конца XV – начала XVII в., посвящено немало работ и следований. Одним из самых известных случаев проявлений массовой одержимости стал луденский казус 1632–1640 гг.

Фабула происходившего в городе Луден укладывается в несколько предложений. 18 августа 1634 г. в результате обвинений в колдовстве и порче, заключении договора с дьяволом, предъявленных монахинями-урсулинками города Луден, был арестован и казнен через сожжение приходской священник из луденской церкви святого Петра – Урбен Грандье.

Уже на момент развития судебного процесса вокруг Урбена Грандье ему было посвящено несколько публикаций, после казни обвиняемого – 21, и еще 14–16 публикаций появилось в период между 1635–1638 гг. [Ibid. Р. 188–189]. Свое внимание на события в Лудене обращали такие авторы, как А. Дюма (отец), Ж. Мишле, Т. Киллигрю и пр. На сегодняшний день этот сюжет так или иначе в своих работах затрагивают десятки авторов, но определяющими стали именно работы О. Хаксли и М. Серто. Произведения этих авторов внесли существенный вклад в процесс изучения, интерпретации и понимания луденских событий – «Луденские бесы» О. Хаксли 1952 г. [1] и «Луденская одержимость» М. де Серто 1970 г. [2]. При этом позиции, из которых исходят авторы при написании своих текстов, во многом оказываются противоположными.

О. Хаксли является основоположником «конспиралогического» подхода к изучению феномена одержимости в общем и к истории луденской эпидемии в частности. Хаксли пытается доказать, что весь судебный процесс завязан на заговоре власть имущих Лудена

против приходского священника Урбена Грандье [1]. Справедливо будет сказать, что позиция О. Хаксли в отношении одержимости не была нова и в какой-то степени была продиктована традицией разоблачений «мошенников и псевдоодержимых», сложившейся и утвердившейся в Англии XVI–XVII вв. в ходе дискуссий о природе этого явления [3. С. 150–156].

В то же время М. Серто подошел к изучаемому предмету с точки зрения «игрового» и междисциплинарного подхода. Происходившие в Лудене события, одержимость монахинь и экзорцизмы, Серто называет не иначе как театром [2. Р. 3]. Он видит в событиях 1632–1640 гг. нечто большее, чем просто заговор нескольких лиц с целью уничтожения политического противника. Феномен одержимости мыслится ими как социальный инструмент эпохи, как символ особого культурного языка времени, на котором говорило общество и с помощью которого решало свои проблемы.

Степень различий в оценках и суждениях одного и того же исторического факта легче продемонстрировать на конкретных примерах, представив разночтения в определении ключевых понятий, которыми оперируют оба автора. В интересующих нас работах такими понятиями могут считаться «одержимость», «экзорцизм», «церковь».

Так, в работе М. Серто, в отличие от работы О. Хаксли, отсутствует момент разоблачения церковной структуры. О. Хаксли представляет экзорцизм и процессы над ведьмами как эффективный механизм борьбы власти с инакомыслящими. М. Серто понимает практики экзорцизма как некую культурно-историческую призму, сквозь которую можно проследить изменения, происходящие внутри позднесредневекового общества, например в отношениях между светским и церковным [4. Р. 45–50].

Центральное понятие обеих работ *одержимость*, точнее его определение, у О. Хаксли и М. Серто не имеют ничего общего. М. Серто под одержимостью понимает культурный, религиозный, исторический феномен, выполняющий в обществе ряд важнейших социальных функций. В фокусе его исследования находится именно демоническая одержимость, термин в рамках демнологической, теологической и народной религиозной традиций Франции XVII в. [Ibid]. Для О. Хаксли *одержимость* – вариант общественного безумия. Под одержимостью им понимается

навязчивая идея, массовый страх присущий человечеству на протяжении всех исторических эпох от древней Греции до современности [5. С. 346–347].

Представим наиболее явные причины различий в авторских подходах к историческому событию и то, как в связи с этим происходит преломление исторического факта и формируется новое представление об исторической действительности.

Первое, на что стоит обратить внимание, – личность автора. Неоспоримым является тот факт, что личность автора оставляет неизгладимый отпечаток на его произведении, поэтому подробнее остановимся на каждом из авторов.

Олдос Леонард Хаксли (1894–1963) – талантливейший писатель XX в., признанный классик жанра антиутопии [6. С. 248]. О. Хаксли происходил из известной семьи, большая часть которой занималась наукой. Семейство Хаксли (Гексли) подарило миру множество великих ученых – биологов, медиков и т.д. Он сам мечтал о карьере врача, но по медицинским показаниям этой мечте не суждено было сбыться, хотя страсть к медицине и естественным наукам осталась с ним на протяжении всей жизни. Миру О. Хаксли известен как блестящий беллетрист, убежденный пацифист, проповедник ненасилия и свободы личности от внешнего давления в любых его формах, в частности авторитарных и тоталитарных форм власти, создатель собственной философской концепции. Большая часть этих характеристик нашла свое отражение в его книге «Луденские бесы». Исходя из своих воззрений на мир, он описывает в этой книге церковь как инструмент давления на общество, экзорцизм – как форму насилия общества над личностью, одержимость и казнь колдунов – как тип поиска и борьбы с «врагами» для «пользы дела» [7. С. 5–10].

На примере луденского дела автор развивает тему противостояния личности и общества, проблему свободы человека, его выбора. На протяжении всего исследования им проводится идея ужасности последствий «одержимости» обществом какой-либо идеей, слепой верой во что-то, ради которой человечество использует всевозможные методы воздействия.

Мишель Жан Эммануэль де ля Борже де Серто (1925–1986) – известный историк, антрополог, философ, один из основоположников школы психоанализа – «школы Фрейда», а также действующий член иезуитского ордена, доктор богословия, яркий общественный деятель, журналист и миссионер. М. Серто является не менее знаковой фигурой в области истории, антропологии и философии, нежели О. Хаксли в литературе.

Родился Мишель де Серто в городе Шамбери, Савойя, во Франции в дворянской, но малоизвестной семье. Получил разностороннее образование, следуя средневековой традиции «академического путешествия», когда ученик в поисках знаний путешествовал от одного учителя к другому. После защиты степеней по классической филологии и философии в университетах Лиона, Гренобля и Парижа он принялся за изучение религии при Семинарии в Лионе, где в 1950 г. и вступил в иезуитский ордер. В год посвящения в ду-

ховный сан (1956), Серто становится одним из основателей журнала «Christus», которым он будет много заниматься на протяжении всей своей жизни. В 1960 г. Мишель де Серто получил степень доктора богословия в Сорбонне после защиты диссертации на тему мистических писаний иезуита Жана-Жозефа Сурена (1600–1665). В целом его научные интересы были сконцентрированы на изучении позднесредневекового мистицизма, трудов монаха-иезуита Пьера Фавра (1506–1546), главного сподвижника Игнатия Лайолы – учредителя Ордена Иезуитов, а также он изучал труды одного из главных мистиков XVI в. во Франции Жана-Жозефа Сурена.

В 1970 г. М. Серто пишет свою первое большое исследование, посвященное луденскому казусу, «Луденская одержимость». Выбор данного сюжета, так же как и для Хаксли, не был случайным, так как сюжет об одержимости в Лудене был не просто знаком М. Серто, но и детально изучен, ведь Ж.-Ж. Сурен – одно из главных действующих лиц луденской драмы.

Нахождение в сани священника, миссионерская деятельность и изучение мистических практик начала XVII в. не могли не отразиться на тексте этого исследования. Отсюда столь аккуратные характеристики церковной деятельности, ведь М. Серто был ее частью, с уважением относился к ее наследию. Хотя, по справедливому замечанию исследователей его творчества, «нахождение в лоне церкви не столько ограничивало его интеллектуальные поиски, приводя его к готовым ответам, сколько еще больше стимулировало к формулированию новых вопросов и поиску ответов на них, расширяя горизонты его научных интересов» [8. Р. 19]. Мистические практики, в том числе одержимость и экзорцизм, в данной книге являют собой отражение изучаемой эпохи, ее культурный код [9], а церковь представляется им как сложная многофункциональная система, играющая не последнюю роль в жизни общества.

Столь явные различия самих личностей авторов и разность их убеждений изначально не могли позволить им рассматривать луденские события под одним углом зрения и прийти относительно их к единым оценкам и выводам.

Второй важной составляющей, которая повлияла на текст обеих работ, является время их написания.

О. Хаксли написал свое произведение в 1952 г., и оно явилось отражением времени. В своей книге автор открыто сравнивает события периода «охоты на ведьм» с коммунистическим, фашистским террором [1]. Начавшаяся холодная война все больше убеждала автора в том, что цивилизация стоит на краю пропасти. Главную угрозу он видел в лице СССР и КНР как носителей авторитарной жесткой формы власти.

А. Зверев отмечает в своей работе: «“Луденские бесы” – опыт реконструкции реально происходивших событий. То обстоятельство, что они происходили за триста лет до появления книги Хаксли, несколько не сказывалось на актуальности этой книги. Она была актуальной в прямом и точном значении слова, можно даже сказать – злободневной. Шла, приближаясь к своему апогею, “холодная война”. В СССР разверну-

лась позорная кампания, именовавшаяся “борьбой с космополитизмом”: мощная карательная машина не простаивала ни минуты, а власть прилагала все усилия, чтобы заразить бактериями шовинизма и расизма сознание масс. В США сенатор Дж. Маккарти возвестил начало крестового похода, направленного на искоренение “антиамериканской деятельности”, и все развивалось по знакомому сценарию: вызовы в специальные комиссии, интересовавшиеся взглядами и политическим прошлым неблагонадежных, чистки, аресты, запреты на профессию» [7. С. 5].

Сам О. Хаксли не скрывал того факта, что «Луденские бесы» во многом были написаны на злобу дня. «Поиск врагов народа» – прямая аллюзия на средневековые поиски сатанистов, еретиков и ведьм, а одержимость – прямая отсылка на идеологический фанатизм эпохи. «У Хаксли персонажи заняты тем, что изгоняют бесов, или указывают на тех, в кого вселился бес, или отчаянно стараются доказать: с бесами они никогда не знали. Тем же самым занималось чуть ли не полмира в те годы, когда Хаксли работал над своей книгой. Переключка через столетия возникала как бы самопроизвольно, даже если автор не стремился к аналогиям» [Там же. С. 5–10].

Работа же М. Серто вышла в свет в 1970 г., когда уже миром правили совсем другие идеи. Хотя М. Серто крайне резко реагирует на майские события 1968 г. в Париже, приведшие к отставке Ш. де Голля, критикует их и не принимает проявления «нового левого» движения. В большей же степени на него, как и на его произведение, повлияло начавшееся движение за «обновление церкви». Оно ратовало за поддержку традиционных ценностей, используя новые методы и новые отрасли наук. Отсюда поддержка церковью исследования неизученных страниц истории самой церкви, в том числе истории мистицизма и ритуальных религиозных практик, таких как экзорцизм.

Здесь непроизвольно усматривается параллель между возрождением церкви в XVII в., когда идет процесс контрреформации, связанный, в том числе, с появлением иезуитского ордена, распространяющимися мистическими практиками, появлением новых святых и тем процессом обновления римской католической церкви в 60–70 гг. XX в., когда авторитет церкви вновь стал расти, когда увеличился масштаб миссионерской деятельности, когда церковь вновь смогла выразить свою позицию по многим общественным вопросам.

Отсюда и большой интерес, как внутри самой церкви, так и вне ее, к проблемам, касающимся истории становления церкви, истории отдельной личности в ее истории, и, несомненно, к феномену мистических практик и их научному осмыслению. Осмысление мистических исканий стало возможным и через психоанализ как новый метод в науке, поскольку мистический опыт требует особого языка, который вполне могла предоставить психология или психиатрия. Работа Серто также была крайне актуальна для своего времени.

Эпоха, время написания текста, так же как и личность автора, накладывает свой отпечаток на текст.

Во многом именно время обуславливает появление произведения, время и происходящие события наталкивают автора на мысли и идеи, которые в целом и развиваются на страницах его исследования.

Стоит отметить, что ни для О. Хаксли, ни для М. Серто выбор сюжета массовой эпидемии одержимости в Лудене не был случайным. Данный исторический казус наиболее подходил для презентации выработанной каждым из них концепции философской, исторической. Здесь мы раскроем третий аспект, повлиявший на различие в трактовках луденских событий, – авторская концепция, в рамках которой написано произведение.

Исследователи творчества О. Хаксли пишут, что в период 1950–1960-х гг. творчество характеризуется поиском синтеза гуманитарного и естественнонаучного способа познания, при котором нравственное соединяется с научным знанием. Именно в это время О. Хаксли создает сложную философскую систему. Главную философскую задачу Хаксли видит в определении сущности Добра и Зла и существования человеческой души в условиях этой дихотомии.

В данном контексте одним из основных философских понятий концепции О. Хаксли становится «одержимость» – подверженность человека какому-либо влиянию извне [7. С. 346]. Этому понятию Хаксли посвящает цикл работ, в том числе и «Луденских бесов». Несмотря на злободневность, «Луденские бесы» являются продолжением генеральной линии его философской концепции. О. Хаксли берет луденскую историю как пример того, какое губительное влияние может оказывать «одержимость» общества идеей на личность человека, ее разрушение и размывание [Там же. С. 348].

О. Хаксли в указанное время отходит от чисто художественного литературного творчества и с увлечением осваивает новые жанры – публицистику, беллетристику, научные исследовательские работы, в которых и развивает открытую, как ему казалось, истину – создания единой системы ценностей путем синтеза разных начал в гармонической пропорции, отказавшись при этом от абсолютных величин [Там же. С. 326–385]. Хаксли считал, что достигнуть вершины человеческой культуры возможно, осуществив процесс «наведения мостов» между разными аспектами видения мира. Осуществить же процесс синтеза («наведения мостов») может «понтифик» – созидатель мостов между разными полюсами мировидения, в том числе между гуманитарным и точным знанием. Сам Хаксли пытался выступить в роли такого «понтифика», что и отразилось в его авторском стиле указанного периода. Активный поиск новых мировоззренческих, философских и нравственных основ у Хаксли был продиктован его увлечением индийской культурой, в частности буддизмом.

Созданная им в это время философская система содержала в себе несколько основных сложносоставных блоков. Для нас же наибольший интерес представляет блок под условным названием «Сущностные проблемы бытия». В этом блоке им выделяются такие проблемы, как:

а) проблема происхождения Добра и Зла в человеческой душе в контексте дихотомии: изначальная предрасположенность или зависимость от воспитания и свободы воли самого человека. Противостояние физиологического (первородного) и самопреобразования под воздействием общественного давления – воспитания, окружения, а также свободы воли самого человека; в данном контексте Хаксли вводит в оборот термин «боваризм», на котором подробнее мы остановимся чуть позже;

б) проблема соотношения между жизнью человека и степенью ее вписанности в историю. Проблема противостояния личности и общества, противостояния частной и общественной жизни;

в) проблема сущности человеческой природы. Противостояние души и тела. Противостояние собственного Я и чего-то чужого, внешнего. В данном блоке Хаксли и выводит новое понятие – «одержимость» как собственно воплощение этого чужого, внешнего, инородного в человеке, чему противостоять он не может. Хаксли рассматривает идею внутреннего демона, понятие безумия и, исходя из этого, определяет одержимость как форму навязчивой идеи или массового страха, присущего всему человечеству. Здесь Хаксли формулирует проблемы личной и общественной ответственности отдельного человека перед миром, обществом, будущим. Ставится также проблема расщепленной и целостной личности.

После представления основных тезисов философской концепции О. Хаксли вернемся к его книге «Луденские бесы» и феномену одержимости, который рассматривается в ней. В понимании автора «одержимость», как говорилось ранее, – это одно из главных понятий его философской системы, которое подразумевает под собой форму общественного безумия, истерию, одержимость какой-либо идеей, подобной той, что представляла собой идеология фашизма, например. Демоническая же одержимость как особый культурный феномен эпохи XVI–XVII вв. его не интересует.

В общем, сам луденский казус Хаксли использует для презентации той самой философской схемы, о которой говорилось ранее. Понятие одержимости он раскрывает при помощи вышеупомянутого термина *боваризм*, под которым понимает свойство человека быть не тем, кто он есть по своей природе в соответствии с требованием общества [1. С. 111]. Благодаря этому термину Хаксли объясняет поведение главной героини Жанны от Ангелов и ее сестер – монахинь, показывая, как они надевают маску за маской в зависимости от того, какие требования к ним выдвигает общество. Проблема противостояния личности и общества в этом произведении можно проследить по двум линиям – отец Грандье и общество в лице луденских властителей и католической церкви, а также Жанна от Ангелов и сестры-урсулистки против церковных иерархов, в частности экзорцистов. О. Хаксли представляет «экзорцизм» и процессы над ведьмами как эффективный механизм борьбы власти с инакомыслящими.

Проблему разрушения и целостности личности Хаксли иллюстрирует на примере двух героев книги –

Жанны от Ангелов, которая то сломлена обстоятельствами, то принимает новую форму под воздействием внешнего давления, и Жана-Жозефа Сурена, который верен своим убеждениям, при этом не теряет своего человеческого лица, открыт миру и в конце концов спасает Луден от одержимости.

Несмотря на довольно большую степень субъективности, которую допустил автор при написании этого труда, большинство литературоведов расценивают «Луденских бесов» как если не чисто научную, то как научно-публицистическую работу. В данной работе О. Хаксли использует такие методы, как сравнительно-исторический анализ, дедукция, типологизация, логично выстраивает причинно-следственные связи, при этом используя обширную доказательную базу. Автором используется прием погружения в эпоху путем приведения множества источников, материалов судебных дел, источников по истории быта и пр.

Основные причины событий в Лудене О. Хаксли видит в противостоянии яркой конфликтной личности отца Урбена Грандье и заговора местной городской элиты, при этом монахини местного урсулинского монастыря стали орудием в руках заговорщиков. Вся эта история разворачивается на фоне большой политической игры между провинцией, местными элитами и только нарождающейся абсолютной монархией, интересы которой продвигает кардинал Ришелье (здесь же Хаксли развивает тему строительства и разрушения крепостных стен Лудена).

В заключение стоит отметить, что «Луденские бесы», как отражение именно философской концепции автора, не были восприняты его современниками, и в итоге та интерпретация исторических событий, которая изложена в этой книге, была принята за чистую монету вне глубокого символического смысла, который вкладывал в него автор. В результате на долгие десятилетия относительно феномена одержимости и луденского казуса закрепилось конспирологическое понимание, а культурно-исторический подтекст, природа и суть этого явления остались на периферии научной мысли, что и отразилось во множестве последующих исследований на эту тему.

Данную ситуацию, в свою очередь, попытался изменить второй из интересующих нас авторов – Мишель де Серто. Обратимся к его работе и его авторской концепции.

М. Серто при выборе луденского казуса руководствовался совсем другими мотивами, нежели О. Хаксли. Так, М. Серто защитил диссертацию на соискание степени доктора богословия по теме «Мистические писания иезуита Жана Жозефа Сурена (1600–1665)», монаха, который смог поставить окончательную точку в луденской трагедии. Тема луденской одержимости была хорошо изучена Серто, и не удивительно, что именно этот сюжет лег в основу одной из его первых серьезных монографий.

Внимание М. Серто как ученого-историка в соответствии с его авторской концепцией было направлено на изучение, открытие истории «*другого*», периферийного, того, что еще не попадало в поле зрения исторической науки. Относительно истории и историко-

графии М. Серто придерживается вывода о том, что только историк формирует представление об истории. Историческую действительность, по его мнению, невозможно реконструировать только по письменным памятникам эпохи, поэтому «история – это всегда интерпретация» [10].

В работе «Луденская одержимость» он пишет, что «история никогда не бывает бесспорной», приводя относительно причин одержимости несколько возможных интерпретаций, не настаивая при этом на какой-то одной [2. Р. 1]. Серто использует метод многоголосия – привлечения в работу как можно больше источников, порой противоречащих друг другу, для определения *Другого*, которое и выражается в гетерогенности прошлого [10]. На протяжении работы М. Серто занимается реконструкцией общественного сознания, его повседневных практик, символики и т.д.

Обратимся к содержанию книги «Луденская одержимость». М. Серто подошел к изучаемому предмету с точки зрения «ролевого», или «игрового», междисциплинарного подхода в рамках развиваемой им школы психоанализа в истории. Происходившие в Лудене одержимость, экзорцизмы, Серто называет не иначе как театром, а законы, по которым развиваются события, – законами классической *комедии дель арте* [2. Р. 3]. В своих последующих работах М. Серто довольно часто использовал также термин «художественное действие», который обозначал способность каких-либо институтов приспособляться, эволюционировать, мимикрировать ради выживания. Этим термином также можно определить одержимость как древний социальный институт, претерпевший ряд изменений во времени и пространстве.

М. Серто к этому времени еще не разработал той стройной философской и методологической базы, которой будет пользоваться в дальнейшем. Однако это была его первая серьезная работа, в которой он впервые формулирует свои основные ключевые положения и использует приемы школы психоанализа. Уже здесь можно узнать его авторский стиль, присущий его более поздним работам.

М. Серто в большей степени занимает мысль о месте истории, историографии и самого историка в обществе. История в понимании М. Серто – одна из дисциплин, которые входят в комплекс «науки о *Другом*» – гетерологии (heterologies) [8. Р. 18–21] наряду с психоанализом, этнографией, лингвистикой и пр.

Понятие Другого пришло в философию и историю из психоанализа и обозначало там нечто или бессознательное, в философском же ключе приобрело значение бытия. Понятие *Другого* стало ключевым и у М. Серто, в его понимании – это область знания, которая находится либо на периферии наук и научного знания, либо вообще вне его границ, вне наших научных или иных интересов, за областью достижения. Его интересует «Другой или Другое в его / их, других, реальном и нередуцируемом многообразии. Причем значимыми оказываются не только сами фигуры *Других*, но и также зазоры, промежутки между этими различными конструкциями. Подобные разрывы вовсе не выступают у Серто зонами временного незнания, ла-

кунами, которые предстоит в ходе работы устранить, а указывают на принципиальную гетерогенность прошлого, требующую динамической и многофокусной оптики. Это «работающие» зазоры: они отмечают моменты не контролируемых исследователем переходов, «прыжков» в историческом объяснении» [9].

Каким же образом необходимо находить эти области *Другого*, как заполнить недостающие фрагменты? Решение этого вопроса М. Серто видел в историографии, превознося роль историографии, он считал ее выше теории истории, видел в ней ключ к развитию [11. Р. 54–68]. Историография как путь расширения областей, сфер знания. «Он полагал, что дебаты в историографии открывают для историков широчайший путь к разъяснению и ратификации их ремесла. Он также полагал, что эти дебаты должны быть возобновляемы каждым поколением ради дисциплины, ее выживания, посредством появления новых областей исследования, новых парадигм, новых объяснительных схем и необходимой критики предыдущих методов, парадигм и предположений» [8. Р. 18–21]. Историография, постоянный контроль за сделанным, изученным и неизученным позволили бы новым поколениям определить лакуны, найти *Другое* и заполнить их [12]. Отсюда в работе «Луденская одержимость» автор практически досконально знакомит читателя с источниковой базой, раскрывает историю вопроса, стремится предельно полно погрузить читателя в атмосферу времени, старательно описывая город, его жителей, быт и нравы.

Наряду с историографией М. Серто во главу ставил источниковедение, работу с письменными источниками, свидетельствами эпохи. Здесь перед ученым встает проблема достоверности письменного источника, вернее, того символического языка, которым он записан, и проблема верности, истинности интерпретации. М. Серто видит решение этой проблемы в попытке ненавязывания своего мнения читателю, принципиально не делая категоричных, однозначных, обобщающих выводов относительно предмета исследования. «Это означает, что читателям нужно разрешить не согласиться, даже если позиция автора и его интеллектуальная целостность безупречны. Любая интерпретация несет больше ошибочности, нежели истины» [8. Р. 20]. Этот тезис нашел яркое воплощение на страницах «Луденской одержимости»: автор не только не навязывает своего мнения относительно исторического казуса, но и сознательно заставляет читателя сомневаться, ставит его в тупик.

В заключение он ставит точку таким потрясающим замечанием: «У одержимости нет никакого “истинного” объяснения, так как невозможно узнать, кто *одержим* и кем» [2. Р. 228]. Широко применяемый им метод многоголосия имеет цель заставить читателя самому строить свои выводы так, что порой текст работы выглядит как сплошная цитата нередко и противоречивых источников. Тем самым на протяжении своей работы М. Серто занимается реконструкцией общественного сознания, его повседневных практик, символики и т.д., не предоставляя своему читателю готовых ответов.

М. Серто, применив новые методы психоанализа и другие приемы, пришел к выводу, что одержимость и публичные экзорцизмы давали выход социальной напряженности путем перевода сакрального, сверхъестественного в банальное, обыденное. Зрелище превращалось в проповедь, тем самым атмосфера не накалялась, а разряжалась [2. Р. 3]. Однако полностью понять, раскрыть сущность феномена не дано никому в силу отсутствия источников – голосов, которые звучали вне того символического поля, на котором говорила церковь, в том числе в силу субъективности оставшихся источников, представленных памфлетами, протоколами, записями церковных чинов, а главное – в силу того, что история – всегда интерпретация, а потому процесс осмысления источника будет практически бесконечным.

Книга М. Серто по своему содержанию несколько не уступает книге О. Хаксли, а во многом превосходит ее. Однако интерпретация Серто событий в Лудене осталась жить лишь в ограниченном кругу историков-профессионалов, во многом благодаря отсутствию в тексте точных обобщающих выводов и множественности интерпретаций. Категоричная же манера О. Хаксли до сих пор является доминирующей.

В завершение данной работы можно сделать следующий вывод. Безусловно, в интерпретации того или иного исторического сюжета главную роль играет именно личность автора. В первую очередь читатель смотрит на изображаемый мир глазами автора. Факт в данном случае становится лишь средством доказательства излагаемой им теории или концепции, которая тоже в какой-то мере является отражением внутреннего мира исследователя. Именно это и продемонстрировали в своих работах О. Хаксли и М. Серто.

Можно сказать, что определяющую роль в правильном понимании того или иного научно-исследовательского труда играет авторская концепция, философская или методологическая система автора. Этот вывод следует отнести и к произведениям О. Хаксли и М. Серто, так как ошибочно было бы читать их работы без предварительного ознакомления с их мировоззрением. Мы убедились, что луденский казус был использован авторами для презентации собственной концепции истории, философии и пр.

Термин «одержимость» используется каждым автором с определенными целями, в общем, для того, чтобы донести до читателя главную мысль. У О. Хаксли одержимость – форма общественного безумия и страха, который присущ людям на протяжении времени его существования, а у М. Серто одержимость – это и есть то *Другое*, зазор, который еще прежде не изучался, и лишь потом культурно-исторический феномен эпохи, социальный институт. Один объясняет луденский казус как заговор политических элит, другой видит в луденских событиях вариант проявления особого духовного состояния позднесредневекового общества. При этой кажущейся полярности авторских

взглядов и интерпретаций феномена одержимости они скорее дополняют, нежели опровергают друг друга. Так, позиция М. Серто шире позиции О. Хаксли и охватывает больший культурно-исторический контекст, носит обобщающий характер. О. Хаксли же в своей работе собрал большое количество фактического материала по луденскому процессу, детально описал характеры как главных, так и второстепенных действующих лиц. Его работе свойственна глубокая погруженность в тему и сосредоточенность на внутренне-политических, бытовых и межличностных сюжетах относительно луденского дела. Нельзя отрицать того факта, что в процессах над ведьмами всегда можно найти заинтересованную сторону, которой было выгодно отправить на казнь неугодных лиц, но и считать это объяснение исчерпывающим также нельзя. Это относится и к луденскому казусу, в котором переплелось множество интересов как государственного, так и личного масштаба. Работа О. Хаксли раскрывает все уровни луденской драмы, работа М. Серто объясняет этот сюжет в общеисторическом контексте.

Оба автора рассматривают феномен одержимости в рамках социального дискурса, строя свои объяснения внутри единого поля. Одержимость как исторический феномен находит в нем различные смыслы, от политического заговора и репрессий, суеверия до понимания одержимости как социального института, формы особой культурной идентичности, как проявления духовной атмосферы эпохи или варианта позднесредневекового мистицизма и т.п.

Интересно, что само время как бы подталкивает авторов к поиску объяснений феномена «охоты на ведьм» и одержимости. Такие общественно-политические процессы, как эпоха тоталитарного давления в 1950-е гг. и массовых репрессий или новое движение за обновление церкви в 1960–1970-е гг., заставили авторов обратить внимание на данный исторический сюжет и объяснить его по-новому. Так, одержимость и охота на ведьм, в первом случае, стали пониматься как подавление внутреннего недовольства, уничтожение инакомыслящих, во втором случае это явление объяснялось процессом духовного подъема, связанным с контрреформацией и эпохой нового католического мистицизма. Актуализация социального дискурса приводит к актуализации исторических сюжетов, позволяя авторам открывать в феноменах новые грани, представлять явление в новом свете.

Специфичность сюжета и проблематики ведовства и одержимости накладывают отпечаток на интерпретацию этих явлений. Объяснение данных феноменов практически всегда крайне субъективно и эмоционально, так как связано с этическим понятием справедливости, не являющимся научным критерием для интерпретации исторических источников и объяснения исторических фактов. При этом теряется сложный культурно-исторический аспект изучаемого сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаксли О. Луденские бесы. М., 2000.
2. Certeau M. The possession at Loudun. University of Chicago Press, 2000.

3. Игина Ю.Ф. Медицина против демонологии: дискуссия вокруг ведовства, одержимости дьяволом и экзорцизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2, вып. 3. С. 150–156.
4. Highmore B. Michel de Certeau analysing culture, 2006.
5. Рабинович В.С. Олдос Хаксли: эволюция творчества. Екатеринбург, 2001.
6. Жантиева Д.Г. Английский роман XX века: 1918–1939 гг. М., 1965.
7. Зверев А. Переключка через столетия // Хаксли О. Луденские бесы. М., 2000. С. 5–10.
8. Ward G. The Certeau Reader. University of Manchester. 2000.
9. Дубин Б.В. Мишель де Серто, летописец вычеркнутого. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/01.htm, свободный (дата обращения: 19.03.2015).
10. Дубин Б.В. Еретик настоящего: историк глазами Мишеля де Серто. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5028>, свободный (дата обращения: 19.03.2015).
11. Buchanan I. Michel de Certeau: cultural theorist. London, 2000.
12. Ahearne J. Michel de Certeau: Interpretation and Its Other. Stanford, CA : Stanford University Press, 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 декабря 2015 г.

PROBLEMS OF A HISTORICAL INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF POSSESSION IN THE PUBLIC LIFE OF LATE MEDIEVAL WESTERN EUROPE IN WORKS OF A. HUXLEY AND M. CERTEAU

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 94–100. DOI: 10.17223/15617793/405/12

Krylova Diana D. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: diana.krylova90@mail.ru

Keywords: A. Huxley; M. Certeau; Loudun; possession; historic fact; interpretation.

The article discusses the problem of a historical fact interpretation in *The Devils of Loudun* by Aldus Huxley and *The Possession at Loudun* by Michel de Certeau. The reasons for distinctions in the authors' approaches to the process of Loudun of 1632–1640, to the phenomenon of possession and its value in the social life of early modern Europe are studied. A short description of the phenomenon of possession during the “witch-hunt” period is made. A judicial incident in Loudun in 1632–1640 is studied. The authors' views on the events in Loudun are given: A. Huxley's theory of conspiracy and M. Certeau's “game” interdisciplinary approaches. A number of key terms are allocated due to which distinctions in the authors' concepts become more evident: “church”, “exorcism”, “possession”. The author definitions of these concepts are offered. On the basis of the given distinctions in the views, the author of the article identifies a complex of reasons for the refraction of a historical fact and for the formation of a new view on events. The first reason is the personality of the author of the work. The analysis of how the author's personality influences its research is made. A short curriculum vitae of A. Huxley's personality and its reflection in his *The Devils of Loudun* is given, as well as a short curriculum vitae of M. Certeau's personality and its reflection in *The Possession at Loudun*. The second reason is the time the work was written in. A short description of the time *The Devils of Loudun* (1950s) was written, and its influence on the text are given. The topical character of the book and its connection with McCarthyism in the USA and with struggle against cosmopolitanism in the USSR are stressed. A short description of the time *The Possession at Loudun* (1970s) was written, and its influence on the text are given. The connection of the work with the process of church renovation. The third reason is the concept (philosophical, historical) the author followed when writing the work. The theory of “synthesis” of humanitarian and scientific knowledge was A. Huxley's philosophical system. The “pontific” has its role in the overcoming of the separation of the worldview of a person. Problems of good and harm in a human nature, the problem of a human nature and its transformation is discussed, as well as issues of Bovarism, the soul and body opposition, the concept of an internal demon and “possession”. A. Huxley's philosophical system and research methodology were reflected in his work. M. Certeau's work shows his theory of “The Other” and his historical concept, states the problem of interpretation of a source, historiography and heterology as the basic terms of his concept, identifies polyphony as his main method of research. Generalising conclusions are presented in the article.

REFERENCES

1. Huxley, A. (2000) *Ludenskie besy* [The Devils of Loudun]. Translated from English by E. Voronova. Moscow: TERRA.
2. Certeau, M. (2000) *The possession at Loudun*. University of Chicago Press.
3. Igina, Yu.F. (2007) Meditsina protiv demonologii: diskussiya vokrug vedovstva, oderzhimosti d'yavolom i ekzortsizma [Medicine against demonology: the discussion about witchcraft, demon possession and exorcism]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ser. 2. 3.* pp. 150–156.
4. Highmore, B. (2006) *Michel de Certeau analysing culture*. London and New York: Continuum.
5. Rabinovich, V.S. (2001) *Oldos Khaksli: evolyutsiya tvorchestva* [Aldous Huxley: the evolution of creativity]. Ekaterinburg: Ural'skoe literaturnoe agentstvo.
6. Zhantieva, D.G. (1965) *Angliyskiy roman XX veka: 1918–1939 gg.* [The English novel of the twentieth century: 1918–1939]. Moscow: Nauka.
7. Zverev, A. (2000) *Pereklichka cherez stoletiya* [Roll through the centuries]. In: Huxley, A. *Ludenskie besy* [The Devils of Loudun]. Translated from English by E. Voronova. Moscow: TERRA.
8. Ward, G. (2000) *The Certeau Reader*. Manchester: University of Manchester.
9. Dubin, B.V. (2001) *Mishel' de Serto, letopisets vyчерknutogo* [Michel de Certeau, the chronicler of the blacked out]. [Online]. Available from: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/01.htm. (Accessed: 19 March 2015).
10. Dubin, B.V. (n.d.) *Eretik nastoyashchego: istorik glazami Mishelya de Serto* [The heretic of the present: historian in the view of Michel de Certeau]. [Online]. Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/5028>. (Accessed: 19 March 2015).
11. Buchanan, I. (2000) *Michel de Certeau: cultural theorist*. London: Sage.
12. Ahearne, J. (1995) *Michel de Certeau: Interpretation and Its Other*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Received: 05 December 2015